

СВЕРХНОВАЯ ФАНТАСТИКА

СИСТЕМНАЯ ОШИБКА

ДМИТРИЙ ЗАВАРОВ

Дмитрий Викторович Заваров

Системная ошибка

Серия «Сверхновая фантастика»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38986991

Системная ошибка: Яуза-Каталог; М.; 2018

ISBN 978-5-6040911-5-9

Аннотация

Технология вживления компьютерных микрочипов в мозг вывела цивилизацию на новый уровень развития. Научная разработка, изначально предназначенная для лечения патологий центральной нервной системы, быстро превратилась в «нейрофон» – модный гаджет, открывающий перед владельцами все прелести виртуальной реальности.

Петр Фролов, сотрудник службы безопасности фирмы-производителя нейрофонов, случайно получает доступ к секретным данным: компания обладает полным контролем над разумом пользователей, а сама технология имеет неземное происхождение.

Какие цели преследуют создатели нейрофонов? Этот вопрос отходит на второй план: Фролов объявлен вне закона, на него начинается настоящая охота, и убить его – первоочередная задача для любого носителя гаджета.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	37
Глава 5	56
Глава 6	68
Конец ознакомительного фрагмента.	81

**Дмитрий
Викторович Заваров
Системная ошибка**

© Заваров Д.В.

© ООО «Яуза-Каталог», 2018

Глава 1

На крыше бесновался ветер, путался в переплетении труб, гудел тросами антенных растяжек. Шары вентиляционных дефлекторов крутились как сумасшедшие, визгливо скрипя подшипниками. Небо, наглухо перекрытое плотными облаками, чернело над самой головой. Вдалеке – там, где торчали над ломаной линией леса долговязые, мерцающие зеленым неонов штативы строительных кранов, – бледный отблеск заката из последних сил подсвечивал идущую наискось к горизонту тяжелую грозовую тучу. Вокруг шумела ночь, и только свет заградительных огней слегка разгонял пахнущую гудроном темноту.

– Смотри! – крикнул Липатов.

И я сразу понял, что имел в виду Леха. Дельтаплан – так, по-моему, это называется. Черный матерчатый треугольник с выпирающими ребрами каркаса и большим, забранным в сетчатый кожух винтом был приткнут между надстройкой лифтовой шахты и какой-то толстой мачтой. Похожий на запутавшуюся в силке птицу, он бился из стороны в сторону, подпрыгивал, но оставался на месте, прочно зафиксированный тросами.

А вот это уже не шутки. Не сговариваясь, мы выхватили стволы. Леха как-то по-театральному передернул затвор, но у меня, судя по всему, получилось не лучше. Переглянув-

шись, бросились в разные стороны по слегка пружинящему под ногами ковру гидроизоляции.

– Проникновение... дельтаплан... два... – Липатов докладывал в гарнитуру, но ветер разбивал фразы.

– Три! – крикнул я, перегибаясь через жестяной короб. – Их здесь три! Слет авиалюбителей!

А сам уже сбивал ножом пластиковый кожух с компактного двигателя и кромсал провода, перерубал патрубки. Остро пахло бензином, руку окатила ледяная струя. Резать крыло? Ладно, времени нет, да и вряд ли они смогут прорваться обратно на крышу. Раскурочив мотор второго дельтаплана, я рванул было к третьему, но Леха уже вынырнул из-под крыла с ножом в руке.

– Чисто?

– Чисто!

– Вот здесь, – напарник показал на отогнутый козырек жестяного короба.

Луч фонаря заиграл бликами на внутренней поверхности трубы. Вниз уходил тонкий альпинистский трос, раскраской напоминающий экзотическую змею.

– Вентиляционная шахта 1–7, – доложил я по связи, свесившись с номером на заляпанной гудроном стенке.

– 35-й этаж, – тут же откликнулся в наушнике Прапор. – Галопом!

Мы синхронно сорвались с места, впрочем, Леха успел полоснуть по тросу, и обрубок, гулко барабанил по стенкам,

провалился в трубу. Ветер бил вслед, подталкивая в спину. Я успел бросить последний взгляд на панораму, открывающуюся с крыши высотки: ярко освещенный периметр центра, прямая, как струна, нить дороги, рассекающая черноту; и распухшая на весь горизонт световая громада города. Хорошее место, чтобы постоять да покурить... Но не сегодня.

За спиной хлопнула дверь, мгновенно отрубив все звуки. На контрасте сразу стало понятно, насколько я был перевозбужден. На самом-то деле происходящему больше соответствовала атмосфера крыши – с ураганным ветром, гудящими снастями, несущимися над головой тучами... Выхолощенная тишина лестничного марша как-то не подходила к событию: незаконному проникновению в Центральный НИИ Компании. Хотя так им и надо – периметр обложили будто на случай войны, разве что танки к КПП не подогнали. А крыша – пожалуйста: прилетай кто хочешь и заходи куда хочешь. Так выпьем же за Карлсона, который...

– Сука! – выругался Леха, когда валидатор раздраженно пискнул, мигнув красным светодиодом.

Я догнал напарника у металлической двери с трафаретным номером 35. Разумеется, пропуск не сработал – рожей мы не вышли, чтобы заходить на этажи.

– Контур, в доступе отказано! – доложил я злорадно.

– Сейчас решим, – ответил наушник.

– Сюрприз-сюрприз! – противным голосом пропел Леха.

Я прикрыл микрофон пальцами и, поглядев на напарника,

тоже прокомментировал ситуацию.

– Заткнитесь оба, клоуны! – прогавкал Прапор. – Слушай внимательно. Внутри связи не будет. Войдете – и по прямой до лифтов. Там сориентируетесь. Коридор Б. Липатов, твоя дверь Б-3. Фролов – Б-24. Проверить помещение. Взять под охрану. Ничего не трогать. Время прибытия оперативной группы пять-семь минут. Идентификация по коду 17–18. В случае обнаружения чужих – уничтожить.

– Как? – не удержался я.

– Физически!

– Повторите приказ! – запросил Леха.

– Повторяю, – послушно отозвался динамик. – При обнаружении чужого – стрелять на поражение.

– Озверина нажрался, – сообщил я прежде, чем подумал, что говорить этого как раз не нужно.

– Фролов! – взвился Прапор и, резко осадив себя, спокойно пообещал: – После поговорим. Липатов, допуск есть.

Леха снова мазанул по желтому кружку картой, на этот раз светодиод милостиво сменил цвет на зеленый, и под железным листом что-то щелкнуло. Мы влетели внутрь, как заправские спецназовцы водя стволами из стороны в сторону.

Длинный коридор. Белые пластиковые панели на стенах. Дымчатые стеклянные двери через равные промежутки. Матовые коробки ламп под потолком. Никого.

В который раз за этот бурный вечер мы с Лехой переглянулись. Напарник пожал плечами. Я машинально повторил

его жест. Стрелять так стрелять, не в первой. Хотя, если что, таскать по инстанциям будут нас, а не босса.

За мутными стеклами изредка мелькали какие-то смутные тени. Кто-то там работал. Может быть, и не работал, может быть, как раз именно сейчас за этой дверью наши незваные гости воруют самые сокровенные секреты Компании.

Ну и пусть. Мое дело Б-24. А это вот, например, А-17. Ну и хрен ли соваться, куда не просят. Тем более что я прекрасно помнил, какие страшные кары прописаны в договоре за несанкционированный доступ в помещения НИИ.

Вот и бежали мы с Липатовым по длинному коридору, даже не пытаясь понять, что там, за этими мутными стеклами, происходит. А вокруг стояла какая-то искусственная тишина. Даже лампы не гудели. И запахов не было. Не считая бензиновой вони от моего правого рукава. Подошвы слабо поскрипывали на сером девственно чистом линолеуме.

Площадка перед лифтом. Довольно обширный зал с претензией на комнату отдыха: этажерка с книгами и журналами, диван, столик...

Из зала расходились три коридора, озаглавленные блестящими медными литерами А, Б и В. Мы прибежали сюда по А. Мельком заметил странную закорючку вместо номера этажа на панели вызова лифта – и уже рванувшись вслед за Липатовым, вспомнил, что она означает: блокировка, лифты остановлены по сигналу тревоги.

Коридор Б ничем не отличался от А. Я не успел разогнать-

ся, как Леха резко затормозил. Б-3 – блеклая надпись плохо читалась на дымчатой поверхности.

– Подстраховать? – предложил я.

– Работай, – отмахнулся Липатов.

И я побежал дальше. Вряд ли придется стрелять. Вряд ли придется убивать. Двадцать первый век на дворе. Неслись навстречу двери, поскрипывали берцы. Мирная компания по производству нейрофонов – пусть и революционная разработка, но все же не ядерные боеголовки. Мягко горели под потолком стеклянные колбы, спектр чуть заметно смещен в синеву. В то же время дельтапланы на крыше – это серьезно. Это не учения и не ложная тревога. На идеально ровной поверхности стены чужеродным элементом выступала красная коробка пожарной сигнализации. Липатов уже внутри. Видимо, у него все в порядке. Б-24. Стоп!

Я подошел вплотную к двери. Прислушался. Приложил ухо к холодному стеклу. Тишина. Подцепил за веревку бейдж с пропуском, поднес к панели. Стекло чуть дернулось, освобождаясь от захвата замка. Потянул хромированную дугу ручки в сторону – дверь бесшумно уехала в стену.

И я вздрогнул от неожиданности. «Уж послала, так послала!» – прошепелявил в голове муляжшный голос. Ровно посередине комнаты на полулежало тело. Только потом внимание переключилось на обстановку. Обширное, лишенное окон помещение, залитое ярчайшим светом... Нет, дело не в свете. Просто тут слишком много белого: гладкий, будто

закатанный в пластик пол, оштукатуренные стены, идеально ровный потолок с частыми линзами точечного освещения, вереница столов вдоль стен и даже громоздящиеся на столах приборы были преимущественно белыми.

Мужик, лежащий на полу, гармонировал с обстановкой своим белым халатом. Кровь на его лице – вот что выбивалось из общей палитры. Убит? Лицо показалось знакомым: наверняка видел его, когда дежурил на проходной. Жаль, если убит. Лет за пятьдесят ему, внуки, наверное, дома ждут. Пропитанная кровью «профессорская» борода слиплась в неопрятные сосульки.

И тут я снова вздрогнул всем телом. Слева от двери, на угловом столе, стояла стеклянная колба, внутри которой на невысокой колонне с цифровым дисплеем располагалась человеческая голова. Настоящая – по каким-то неуловимым признакам было понятно, что не муляж. Профессор Доуэл – так, что ли, звали этого персонажа... Лысый череп увит блестящей металлической сеткой, напоминающей паутину. Нити сходились над ухом, где роль паука исполнял нейрофон – серебряная шайба размером с пятирублевую монету. От нейрофона к основанию колонны тянулся пучок разноцветных проводов. Черты лица, белые до синевы, были настолько искажены, что невозможно определить – мужская это голова или женская. Водянистые, бесцветные глаза смотрели прямо на меня; но это так всегда бывает на картинах, мне рассказывал друг-художник, что для достижения этого эффекта

зрачки нужно разместить таким образом, чтобы...

Все успокоительные соображения рассыпались, когда голова пошевелилась: рот, больше похожий на трещину, к которой стекались ручейки морщин, перекосился мимолетной судорогой. Но я не успел даже вскрикнуть, потому что из соседней комнаты – да, в дальней стене был не замеченный мною сразу дверной проем, – донесся дробный стук. И мозг сразу его распознал: так звучит клавиатура при наборе текста.

Раз, два, три, четыре, пять – плавными скользящими прыжками я переместился к перегородке и, коротко заглянув, вкатился внутрь.

Он стоял за столом, склонившись к монитору. Краем глаза заметил движение, успел среагировать – отскочил к стене, зацепив со стола короткий автомат. Поздно: еще в полете я развернулся и подсек противника, а потом, продолжая разворот, впечатал колено ему в подбородок. Подхватил упавший автомат и отскочил в сторону, взяв на прицел отлетевшего к стене врага.

Их должно быть трое как минимум. Но в Б-24 спрятаться негде. Я быстро осмотрел комнату. Небольшой кабинет – именно кабинет: книжный шкаф, массивный дубовый стол с компьютером, кресло у стола, заставленного чайными причиндалами, на стене возле плотно закрытого жалюзи окна какая-то репродукция на тему русской природы. На столе уютно горела лампа под зеленым похожим на шляпку гриба

абажуром.

Противник пришел в себя, с тихим стоном уселся на полу. И повернулся ко мне. Надо было не ждать, а сразу стрелять! – вот что я понял, увидев его лицо. Ее лицо, если выражаться точно. Молодая – лет двадцать, не больше. Из-под черной шапки над ухом выглядывает кончик черной косы. Красивая или нет – сказать сложно, из носа хлещет кровь, путая «картинку». Но глаза огромные. То ли от страха, то ли от природы...

– Вы же видели, что они тут делают! – прошептала она. – Вы что, не понимаете, что они тут делают? Как вы можете?

И каким-то детским, обиженным движением размазала кровь по щеке тыльной стороной ладони. А сама, между прочим, была экипирована очень по-взрослому: черный облегающий костюм, разгрузка, широкий альпинистский пояс с креплениями для карабинов, кобура с пистолетом на бедре. Плотный рюкзачок за плечами. Интересно, что в нем? Может, бомба? Ребенок, решивший поиграть в войну.

– Встать, руки за голову! – скомандовал я.

Она покорно выполнила команду. Я хотел было скомандовать повернуться, но продолжал вглядываться в лицо, все еще не определив: красивая она или нет.

– Они заберут меня, понимаете? На опыты, – продолжала она скороговоркой. – Им это нормально. Они привыкли. Этот гаджет – это смерть. Это конец цивилизации. Превращение всех в зомби, в роботов. Вы понимаете? На кого вы

работаете? Вам не стыдно?

Глупый аргумент, тоже какой-то детский. Она пыталась поймать мой взгляд, а я специально уводил глаза, потому что понимал: не нужен нам сейчас этот контакт.

– Лучше пристрелите меня! Я не дамся им, понимаете?! – она уже не шептала, она почти кричала. – Я не хочу, я не буду! Когда окажетесь на месте лабораторного кролика, еще вспомните...

Слезы текли из глаз, проедаая чистые дорожки на измазанных кровью щеках. А я стоял и думал о голове под стеклянным колпаком. Вот просто стояла у меня перед глазами эта страшная голова, и нервный тик снова и снова кривил обескровленный рот с синюшными губами. Учитывая, что на эту картинку фоном накладывалась информация, которую я имел о Компании из своих источников... Сейчас вызванная группа спецов уже должна подниматься к нам, и скоро все это кончится, я передам ее с рук на руки, и пусть они сами решают, что с ней делать. Товарищ Прапор, правда, заранее обозначил, что с ней делать.

– Я сейчас возьму пистолет, – сказала она, оборвав свою скороговорку на полуслове. – И у вас останется выбор: либо вы стреляете в меня, либо я стреляю в вас.

Красивая – ее черты наконец-то сложились под кровавой раскраской. И взгляд решительный. Сделает, что сказала, скорее всего, не блефует. Правый локоть дрогнул, обозначая намерение...

– Стоп! – пресек я движение.

Она замерла. В глазах промелькнуло облегчение, или мне это показалось – не могла она знать, что я решил. Потому что я ничего еще не решил. А капитан Пархоменко, старый усатый хрен, герой всех горячих точек с внештатным погоныем Прапор, сидит в центре и ждет, пока мы с Лехой, два болвана, будем палить в живых людей ради интересов Компании, отрезающей людям головы и засовывающей их под стеклянные колпаки...

– Положи флешку! – скомандовал я.

– Какую флешку? – от неожиданности глаза ее расширились еще больше.

Вместо ответа я перенаправил ствол точно ей в лоб. Всклипнув, она быстро достала из нагрудного кармана зеленую пластинку и бросила на стол – флешка заскакала по полированной поверхности, напоминая выпрыгнувшую из аквариума рыбку.

– Пистолет!

– Отпустишь?

– Пистолет! – рявкнул я со всей пролетарской ненавистью.

Тут наши глаза наконец встретились. Контакт длился долю секунды, но она все поняла. Профессиональным движением подцепила кнопку, вытащила ствол и, машинально крутанув его на скобе, положила на стол. Глок-19, а вы говорите – маленькая девочка...

Я опустил оружие и отошел от двери, давая ей дорогу. Но

она ею не воспользовалась: стремительно вскочила на шкаф, а оттуда нырнула в прямоугольный проем воздуховода. Который я, кстати, тоже не удосужился заметить.

Сквозь закрытые жалюзи пробился острый луч света, я подскочил к окну, отогнул пальцем пластину: перед главным корпусом, раскачиваясь из стороны в сторону, заходил на посадку вертолет. Машину трепало порывами ветра, правильнее сказать – урагана: молодые березки, высаженные вдоль аллеи, кренились под его напором почти до самой земли.

Я не стал досматривать сцену посадки, вернулся к столу и забрал флешку. Потом, поразмыслив секунду, подхватил чужое оружие и, взобравшись по полкам шкафа как по лестнице, закинул подальше в воздуховод. Спрыгнул обратно, огляделся. Надо бы, наверное, посмотреть, что там с этим профессором... Но судьба человека, проводящего опыты на отрезанной голове, говоря откровенно, меня интересовала мало.

В этот момент из коридора донеслись еле слышные хлопки – выстрелы. Сначала один, потом три подряд, а дальше протарахтела целая очередь Калашникова. Видать, спецы подтянулись.

Я прислушался, но продолжения не последовало. И тут разом накатило понимание: какую глупость я сделал. Тяжело вздохнув, опустился в удобное профессорское кресло и закурил, несколько не заботясь о последствиях этого злого нарушения инструкции.

Глава 2

Бывает такое чувство: проснулся и вроде не помнишь сна, но понимаешь, что был он крайне неприятен, настолько неприятен, что даже испортил настроение. Вот так и сегодня. В нормальном состоянии я любил поворочаться в кровати, поискать удобное положение, чтобы еще полчаса-час подремать... Но сегодня только поморщился и, хрустнув занемевшей шеей, решительно сел: быстрее кофе сделаешь – быстрее закуришь, быстрее закуришь – быстрее на душе полегчает.

Был вечер, часов девять, не меньше. Солнце косо било в комнату, бросая на доски ламината скособоченную проекцию окна с перекрестьем рамы и корявой тенью полудохлого фикуса. Полить бы не забыть... Я подхватил с тумбочки телефон и включил дисплей: да, без пятнадцати девять.

Пошел в ванную умываться, и, когда босая нога ступила в нагретое световое пятно на полу, вспомнил: это был не дурной сон, это была дурная реальность! Вчерашнее проникновение в офис компании и его последствия.

Леха Липатов оказался герой и Чак Норрис: лично завалял одного диверсанта и, вступив в огневой контакт со вторым, держал его до прибытия подкрепления. А Петя Фролов оказался лох. И если бы товарищ капитан Пархоменко знал, насколько лох – он, наверное, пристрелил бы меня на месте.

А так – формально – повода для наездов не нашлось. Противник успел свалить до моего появления. Приказ был однозначен: занять позицию и держать место до прибытия оперативной группы, а не гоняться неизвестно за кем по вентиляционным трубам. И то, что, судя по всему, злоумышленнику удалось забрать информацию с компа... Ну тут можно только развести руками и высказать глубокую мысль, что защита объекта не исчерпывается развешиванием камер на заборы и электронных замков с ограниченным доступом на двери сортиров.

Как она сбежала, мне было непонятно. Дельтапланы на крыше так и остались нетронутыми. Эту информацию я воспринял с облегчением. Могла бы по такому ветру и без мотора спланировать, а за непорезанные крылья – чутье подсказывало – досталось бы только мне. Кстати говоря, профессор оказался жив, не убила его моя красавица. Это тоже радовало... Понятно, на самого яйцеголового мне было наплевать, радовало, что она тоже проявила милосердие. Пришила бы старика – совсем бы болваном себя чувствовал на ее фоне.

В общем, мурыжили меня всю ночь. И наш Прапор, и суровые контрразведчики из... да хрен их знает, откуда они. Очень их интересовала лаборатория Б-24. Завалили вопросами: в каком состоянии застал, что увидел, что услышал? Видно было – очень за украденную с компьютера инфу переживают. А у меня флешка в кармане как огнем горела. И ведь глупее ситуации не придумаешь: взять бы да хлопнуть

эту флешку на стол – типа расслабьтесь и благодарите крутого пацана Петра Фролова! Но вопрос: откуда взял? Хороший вопрос. Я когда у красавицы ее отбирал, даже и не думал толком об этом. Точно знал, что скачала информацию, и надо у нее эту информацию забрать. Но как теперь преподнести нашим? Добыл в неравном бою с врагом? Бред. А вот если эту самую флешку у меня сейчас найдут – начнется совсем другая история.

От этого соображения стал я совсем грустен и остаток допроса просидел как на иголках. Но все хорошее когда-нибудь заканчивается, и нас наконец отпустили по домам, причем Лехе Прапор пообещал большую премию, а мне – серьезный разговор без свидетелей.

Перспектива этого серьезного разговора и была тем самым фактором, который множил на ноль все настроение. Я чистил зубы и разглядывал свое отражение в зеркале над раковиной. Короткий ежик волос, невыразительные глаза с красными прожилками, прямой нос. Стандартная внешность, «славянский тип лица». На первый взгляд и сказать нельзя, что обладатель этой внешности по сути болван, а по факту преступник.

Между прочим, Липатов очень на меня похож. Нас еще в учебке считали братьями. Но Липатов сейчас в своей трехкомнатной квартире в центре Москвы лежит с молодой женой и чувствует себя прекрасно, а я в своей холостяцкой однушке за МКАДом остервенело тру зубы щеткой и чувствую

себя полным идиотом. Селяви, как говаривали в своё время французские мушкетеры.

Пока кофе вскипал, солнышко успело опуститься за горизонт, и настало то самое время суток, которое мне больше всего нравится. С момента вступления во взрослую жизнь не так часто получалось его поймать, пока не устроился в охрану Компании. Теперь же, отоспавшись после смены, я регулярно получал вечер и ночь в свое полное распоряжение.

Добавил в кофе молока, прихватил с холодильника сигареты и вышел на балкон. Отхлебнул, подождал, пока горячий аромат проберет до самого нутра, и только тогда прикурил.

Дом был крайним в квартале новостроек, выросших на месте подмосковной деревни. Сразу за домом, через дорогу, начинался небольшой перелесок, в глубине которого притаилось недобитое избяное воинство – скособоченные постройки хмуро пялились на захватчиков выцветшими пятнами окон. Мне с одиннадцатого этажа было прекрасно видно, что бревенчатые срубы попали в окружение: с той стороны оврага к ним неспешно подбираются стройные ряды кирпичных высоток.

Кафель, глубоко впитавший в себя дневную жару, приятно грел ноги, ветерок заносил в лоджию запахи свежей краски и мокрой штукатурки. В блеклом небе чертили плавные линии ласточки. Было хорошо. Несмотря на все вчерашнее – хорошо!

Вряд ли Прапор уволит с работы. Оштрафует, отпуска ли-

шит – это он, усатый пень, может. А уволить... Не по доброте же душевной Компания платит нам такие бабки. Потому что в современном мире найти человека, ни разу не пользовавшегося нейрофоном, довольно сложно. А именно это и является первым условием для поступающего в службу охраны. Добавьте к этому довольно узкий возрастной промежуток, необходимый физический уровень... Но главное, конечно, нейрофон.

Кто сейчас не пользуется гаджетом? Нет таких. По телевизору показывали, их теперь всю даже в медицине внедряют. А все потому, что устройство способно напрямую вживляться в мозг и контролировать центральную нервную систему. Это поначалу было вроде развлечения: виртуальная реальность, онлайн-игры и все такое прочее. А теперь уже не до игр. Ребята-лаборанты в курилке рассказывали – скоро чипы вообще в мозг при рождении помещать будут... Интересно, конечно, насколько там все это с виртуальной реальностью реалистично: вот, к примеру, мог бы мне гаджет осязаемо смоделировать голую Монику Белуччи?

К сожалению, для меня этот вопрос навсегда останется в области теории. Потому что я физически несовместим с нейрофоном. По статистике, процент подобных мне ничтожно мал, как говорится, на уровне погрешности. По каким-то причинам нейрофон не может сконнектиться с нашими мозгами, а нет контакта, нет и работы.

Точнее, наоборот – работа как раз есть. И весьма престиж-

ная. Сутки\трое, 250 тысяч в месяц и ипотека на льготных условиях. Плюс статус военнослужащего со всеми бонусами, в том числе и разрешением на ношение боевого оружия.

А все потому, что на рынке нейрофонов идет полноценная война. Компания наша впереди планеты всей – для конкурентов, особенно любимых заокеанских «партнеров», это как серпом по яйцам. Борются всеми доступными способами: от похищения технических секретов до физического уничтожения ключевых ученых.

Запрет на использование нейрофонов для бойцов был введен после того, как новосибирский филиал Компании полностью вынесла собственная служба охраны. Хакеры взломали их гаджеты, и ребята весь день воевали с вымышленными террористами, убивая вполне реальных сотрудников Центра. А когда выяснилось, что после вживления гаджет отключать от мозга носителя просто небезопасно, предложение стали отдавать нам, «инвалидам», органически не способным использовать нейрофон.

Нет, не выгонит Прапор! Столько средств в меня вложили: в одной учебке полгода продержали, и все эти курсы еще постоянные. Не выгонит. Формально придраться не к чему. Он же не знает, как там было на самом деле...

Я сделал последнюю затяжку и щелчком отправил сигарету вниз, хотя уже сколько раз зарекался этого не делать. Перегнулся через перила и проследил за траекторией: окурок ударился об асфальт перед подъездом и рассыпался сно-

пом искр. Свидетелей преступления не было. Хотя нет – были: за дорогой, где к самой насыпи подступал небольшой, заросший камышом прудик, сидел одинокий рыбак и паялился точно на меня. В наступающих сумерках светлячок его поплавка горел яркой звездой. Хрен ли паялишься, за удочкой следи!

В комнате было уже совсем темно. Но я не стал включать свет – так оно лучше, спокойнее. Оделся, застелил постель, проверил телефон: было два пропущенных от Лехи Липатова. Поздно перезванивать, уже почти десять. Завтра. Кстати говоря...

Я открыл крышку ноута и снова, на свежую голову, просмотрел содержимое отобранной флешки. Нет, без толку – куча файлов с непонятным расширением. Несколько текстовых документов, но кодировка тоже какая-то своя, у меня вместо букв отобразились разнокалиберные квадратики...

В соответствии с доводами здравого смысла самое правильное – поскорее от этой флешки избавиться. Но только я задумался над наиболее удобным способом уничтожения, как что-то в мозгу щелкнуло: а почему бы, собственно, ее не продать?

И чем больше я отмахивался от этой бредовой мысли, тем менее бредовой она мне казалась. Ну а что? Если уж такую операцию из-за этого устроили, значит, файлы на флешке стоят неслабых денег. И я даже знаю пару адресов, где моим предложением точно заинтересуются. Да хотя бы в посоль-

ство зайти и сходу так...

Обкатывая варианты, пока на уровне фантазии, я подогрел оставшийся в турке кофе, налил еще одну чашку и вышел на балкон. Правильнее сказать, попытался.

Потому что в двери на фоне светлого неба увидел фигуру человека. Черный, лица не видно – маска. В руке пистолет с толстой колбаской глушителя. Сердце от неожиданности так стукнуло, что, думал, дыру в груди пробьет. Но сердце – орган нежный, а мозг, выдрессированный тренировками, сработал на автомате.

Удар по пистолету и одновременно – кофе в лицо. Кипяток. Враг заорал в голос, схватился за глаза. А я ему со всей дури в грудь ногой. Он вылетел из комнаты и, перевалившись через ограждение, сорвался вниз.

Твою мать! Я бросился на балкон, машинально отмахнувшись от альпинистского троса, и застал финальные секунды полета. Тело моего противника со всей дури шлепнулось на асфальт, слегка подскочило и замерло в позе морской звезды.

К горлу подкатил рвотный спазм. Но тут же откатился обратно. Потому что за спиной звякнуло стекло, я резко обернулся и увидел характерное круглое отверстие с расходящейся паутиной трещин. Пуля. Быстро нырнул за ограждение, но все же успел заметить, откуда стреляли: давешний рыбак, сейчас еле различимый в темноте, припав на одно колено, выцеливал меня от края дороги.

Суки! Ползком вернулся в комнату, пошарил по полу, подобрал выбитый пистолет. Ярыгин, прям как у меня. Что дальше? Пришел один, придут и другие. Сваливать надо. Но сто процентов – ждут у подъезда. Лестница. Там на каждом этаже балконы. С обратной стороны дома. Со второго этажа реально прыгнуть. На крышу мусорного бокса. Потом через дворы к шоссе. Прежде всего уйти, а там решим.

План действий выстраивался в голове, а руки тем временем шнуровали ботинки. Кобура, пистолет, запасной магазин, кошелек, телефон, флешка... Носясь по квартире, не выпускал из виду окон. Но тут со стороны двери донесся тихий щелчок. Кто-то поворачивает замок! Да чтоб тебя! В два прыжка проскочил коридор. Вовремя. Второй поворот – но я уже успел задвинуть щеколду. Хлопок, еще один. На внутренней панели двери вспухли отливающие блестящим металлом волдыри. Тут же брызгами разлетелся глазок. А вот хрен угадали! Засадил из трофейного ствола в дырку глазка пару пуль. Пистолет бил почти бесшумно, будто тихо покашливал. С той стороны тонко вскрикнули. Вот так вам! Я бросился обратно в комнату.

Что делать? Остается балкон. Быстро высунулся. Рыбака не было. А нет, вот он! У самого подъезда, рядом с телом. Ну и дурак. Выстрел, еще один – и теперь на асфальте два тела. От двери донесся тяжкий удар, даже стекла звякнули. Соседей на этаже нет, еще не въехали. Стесняться некого. Трос! Десантер болтался на уровне глаз, запаса длины еще

метров шесть. Главное – не смотреть вниз. Прыгнул на перила, уцепился за рифленую ручку спускового механизма. Прыжок в пустоту – плавно съехал на один этаж. Еще прыжок – зацепился ногой, перевалился внутрь. Лоджия заперта, но задвижка слабая, вылетела с одного удара. Квартира без отделки, голые бетонные стены. Планировка стандартная. Если замок на входной двери открывается с ключа – хреново дело. Но нет, все нормально. Повернул вертушку. Выглянул. На кафеле пола нетронутый слой пыли. У лифтов натоптано, но давно. Сверху донесся грохот, набатом прогудело железо. Кранты двери. Я вдавил кнопки вызова лифта и выскочил на лестницу.

Успел преодолеть несколько пролетов, когда сверху слышались тяжелые прыжки. Перешел на галоп, проскакивая за раз по целому маршу. Седьмой, шестой, пятый... Пробегаю третий этаж, услышал, как ударила в стену дверь на первом. Поздно, придурки! Вылетел в коридор второго этажа, потом на балкон, оттуда на крышу мусорного навеса, кувырком на газон – и тут же за угол.

Коротко глянув по сторонам, перебежал пустынную дорожку и нырнул в темноту березового перелеска. Все.

Глава 3

Шоссе было довольно ярко освещено, но за отбойниками по краям дороги стояла глухая ночь, ничего не разглядеть. То ли освещение такое, то ли стекла в машине тонированы, но складывалось ощущение, что мы едем по тоннелю.

Старая «лада-девятка» неслась сильно за сотню километров. Причем вела себя на уровне дорогой иномарки – не тряслась, не ревела, амортизаторы плавно гасили неровности дороги. Звукоизоляция салона тоже была на уровне, только слабый рокот резины по асфальту. Хриплый голос из динамиков мягко пел про жизненные перипетии хорошего парня, которому просто немного не повезло.

Прям как про меня. Поневоле заслушался. Все-таки есть во всем этом тошнотворно-бестолковом блатняке что-то настоящее, что роднит его с русскими народными песнями: вроде бы ничего такого – тянут истрепанные слова хриплыми пропитыми голосами, жалуются на жизнь, на неверных баб, на мусоров... и вдруг – как проблеск – такая верная душевная фраза, такая пронзительная строчка, что прямо обжигает, в самое сердце бьет.

– Можно еще сигарету?

Стволы прихватил, документы, деньги... А сигареты не взял. Хотя пачка лежала на подоконнике, у самой балконной двери. И главное – заметил же ее, когда на тресе повисал.

– Да бери, чего ты, все свои, – водитель махнул в сторону лежащих на торпедке сигарет.

– Петр, – представился я, протянув руку.

– Дядя Вова.

Я закурил, откинулся на спинку. Приоткрыл окно, и в салон сразу ворвался шум дороги. Между прочим, одни из самых удобных кресел – девяточные. У меня большой опыт насчет этого, полтора года гонял машины с Европы, есть с чем сравнить. Даже любопытно стало, где он взял этот раритет? Да еще и в таком состоянии.

Я незаметно скосил глаза на дядю Вову. Толстый, плечистый мужик лет под сорок. С пышными усами на румяном щекастом лице. В потертой кожанке, из-под клетчатой кепки выбиваются чуть выющиеся русые волосы. Типаж тоже, в своем роде, раритетный. Так наряжались нелегальные таксисты-бомбилы лет эдак пятнадцать назад. Из деревни, наверное, какой-то далекой в Москву вырвался. Хотя... За правым ухом водителя отливал тусклым серебром медальон нейрона. Каким бы ни был деревенщиной, но прогресс и до него дотянулся. Мужик заметил мое внимание, повернулся, подмигнул. И я снова уставился вперед.

Напряжение потихоньку уходило. И как всегда было ощущение, что приходишь в себя после тяжелой тренировки. Мышцы устало ныли, в вялой пустоте головы перекатывались неспешные мысли. Что дальше? Так или иначе ментов кто-то вызовет. Если они уже не примчались. Дом полупу-

стой, но наши пострелялки-побегушки не могли не заметить. Как минимум один труп – тот, которого я скинул с балкона. Рыбака тоже зацепил, не знаю, правда, насколько серьезно. Надо было эту девочку все же пристрелить. Премию бы получил. Во всяком случае, ее друзья ко мне в квартиру бы точно не ломились... А теперь у них есть все шансы сжить меня со свету. Рассказать Прапору, как было дело? Закопает. Сдаться властям? Обозначу свое местоположение, и эти дяди снова придут за мной. Да, дела...

– Откуда у тебя «девятка»? – спросил я, чтобы немного отвлечься от невеселых мыслей.

– Не понял, – сообщил водитель.

– Машина. «Девятка». Их уже давно не выпускают.

Дядя Вова окинул меня долгим подозрительным взглядом. Потом снова уставился на дорогу, почесал затылок, покряхтел.

– Три тыщи в год! – заявил он. – Немного, вроде бы, да? Но мне ощутимо, я не миллионер.

– Ты о чем сейчас?

– Скин для моей ласточки. Программа «Порше». Пони-маешь?

– Нет, – я действительно ни хрена не понимал, и от этого было очень неловко.

– У тебя какая модель таблетки?

И тут до меня дошло. Точнее, вспомнил. Рассказывали на одном из инструктажей. Скины – программы, позволяющие

предметам выглядеть по-другому. Дядя Вова купил скин, превращающий его «девятку» в «порше». Причем, судя по всему, купил вариант «Про», то есть его машина выглядит благородной иномаркой не только для него, но и для всех окружающих. Разумеется, если эти окружающие – пользователи нейрофонов.

– Нет у меня таблетки! – пояснил я облегченно.

– Да ладно! – на этот раз он повернулся ко мне всем корпусом.

Чтобы избежать дальнейших вопросов и заставить водителя все же следить за дорогой, продемонстрировал ему обе стороны головы – пусть убедится, что ни справа, ни слева нейрофоны у меня не висят.

– Дикарь! – заявил дядя Вова. – Даже батя мой подключился, а он восьмой десяток в том году разменял.

– Дикарь, – согласился я.

– Как же ты обходишься-то? Все платежки через него сейчас. И документы все...

– Да вот, обхожусь, – я пожал плечами. – Делать нечего. Мы с ним несовместимы.

– Это как же?

– Ну физически. Не контактит с мозгом.

– А-а-а... Слышал про таких, – покивал дядя Вова и, пожевав губами, добавил: – Извини.

– Все нормально, я привык.

– Ну да. А я-то думаю, как ты заметил, что это не «порш»:

либо программа сбоит, либо твой прибор. А оно вот оно как...

Дядя Вова вытянул сигарету, прикурил и продолжил:

– Привык я к ней, к «девятке» своей. Еще в 97-м приобрел. На кооперативные деньги. До сих пор как новая. Ухаживать просто надо. И не в сервисе, а самому, своими руками. Я ж по жизни автослесарь. Сейчас, понятно, не работаю, но, как говорится, руки-то помнят. И пожалуйста – результат! Даже купить предлагал коллекционер один, большие деньги давал. Но, думаю, хрен вам: двадцать лет я в своей ласточке проездил, в ней и помру. А внуки задразнили. Ну и посоветовали, как из нее «порш» сделать...

Он говорил и говорил, и голос его, сливаясь с мягкой музыкой, действовал как снотворное. Я снова откинулся в кресле и полуприкрыл глаза. Сейчас выйду на Садовом, прогуляюсь, подумаю, что дальше.

Штурмовали квартиру те же, кто вломился в Компанию – в этом сомнений не было. Значит, у меня только два варианта: либо бежать к своим и все им рассказывать, либо бежать к чужим и продавать флешку. Но только я ведь не шпион и не имею никакого представления, как и кому продавать «военную тайну». Да и тайна ли у меня там? Вдруг хрень какая-нибудь. Посмотрят как на дурачка и вежливо выпроводят вон. Или в порядке корпоративной этики сдадут нашим...

Полоса шоссе мягко забрала влево, и впереди открылся город, полыхающий заревом посреди ночи. Отсюда, издале-

ка, создавалось впечатление, что Москва накрыта светящимся куполом. Мегполис походил на живой организм: с кровеносными сосудами магистралей, внутренними органами жилых кварталов, жизненными центрами переливающихся едкими огнями высоток...

Темноту сбоку разорвал громадный билборд: песчаный пляж, усыпанный огромными ракушками, фигуристая девушка в купальнике сексуально изгибается под лучами восходящего солнца, в роли которого выступает таблетка нейрофона с расходящимися лучами нанонитей. «У будущего есть имя! Нейрофон», – гласил слоган.

Ага. У настоящего тоже есть – жопа! Я без спроса снова потянулся к сигаретной пачке, но она съехала по торпедо в сторону – водитель заложил резкий вираж и, хрустя гравием, затормозил на обочине.

– Чтоб вас всех! – выругался дядя Вова. – А если бы влетели на полном ходу?

Вытаращенными глазами он пялился на абсолютно ровный участок шоссе. И снова возникло это чувство, когда ни хрена не понимаешь собеседника, но нужно во что бы то ни стало въехать в тему.

– И, сука, ни знаков, ни ограждений! – дядя Вова повернулся ко мне за сочувствием.

– Ты о чем? – помедлив, я все же принял решение не притворяться.

– Чего «о чем»? – Он аж подпрыгнул. – Не видишь, что

ли? Могли бы и влететь на полном ходу.

Дядя Вова указал на дорогу. Обычную дорогу. Асфальт хороший, по густому черному цвету видно, что свежеположенный. Слева – металлический отбойник с шеренгой фонарей, уходящих вдаль, справа – обочина, обрывающаяся в канаву.

– Куда влететь?

Я понимал, что вопрос его разозлит. Но надо же разобраться.

– Петя, ты стукнутый? – раздраженно поинтересовался дядя Вова. – Не видишь, что дорога перекопана? Дыру в асфальте не видишь? Туда КамАЗ провалится, и даже колеса торчать не будут.

Ровный чистый асфальт. Ни выбоины, ни трещинки. Впереди – в километре, не больше – видна огненная полоса огней МКАД. Очаково. До Смоленки осталось езды минут двадцать. По ночному времени пробок нет. А мы какого-то хрена встали. И ведь не так сложно вычислить, в какую сторону я могу сбежать...

– Ну что за жопа, а?! – с отчаянием пожаловался я в пустоту.

Взял сигарету и вышел на улицу хлопнув дверью. Спокойно. Сейчас покурим и разберемся. Пусть он мне покажет эту дыру в асфальте. Не похоже, что шутит – слишком идиотской выглядит шутка. А если у дяди Вовы крыша поехала, значит просто нужно дождаться другой попутки.

Вот она, кстати, и едет – я замер с неприкуренной сигаретой во рту – из-за поворота выскочили и стали быстро приближаться фары.

– Куда разогнался, дурак! – услышал я выкрик дяди Вовы.

Он резко, с визгом, развернул свою «девятку» и встал поперек дороги. Машина, черный микроавтобус, заложила юзом влево, дверь салона отъехала, оттуда выскочила гибкая черная фигура с пистолетом.

Бесшумный выстрел – и я вижу, как дергается голова дяди Вовы, будто он энергично кивает в сторону своей виртуальной ямы. Потом его фигура сползает вниз, «девятка» резко рвет с места и глохнет, ударившись об отбойник. Это я уже наблюдаю краем глаза, потому что основное внимание забирает ствол, направленный точно мне в лоб.

– Садись в машину, поехали!

Голос женский. И пусть лицо в маске, я ее сразу узнаю. Та самая красавица, которую все-таки нужно было пристрелить.

– В похожих условиях я тебя отпустил, – напоминаю на всякий случай.

– Сейчас здесь будут твои друзья, – заявляет она. – Они тебя убьют и заберут флешку. Садись в машину!

– А ты за мной приехала, чтобы в ресторан пригласить?

– Ты дурак, не понимаешь расклад? Тебя приказано убрать. И ты от них никуда не спрячешься. Кругом одержимые.

– Кто?

Перенапряженный мозг на секунду выдает защитную реакцию: мне вдруг начинает казаться, что происходящее – всего лишь затяжной бредовый сон...

– Твою мать! Пойми же, тормоз! – ее голос разрушает иллюзию. – Все носители нейрофонов у них под контролем. Стоит кому-то тебя увидеть – и кранты! Это как камеры слежения.

– Не неси чушь, – отвечаю машинально.

– Садись в машину! – она переходит на крик.

Вот это зря. Крик – признак слабости или неуверенности. Я иду прямо на нее, она вынуждена отойти в сторону, уступить дорогу. Фонарь освещает внутренности микроавтобуса. Никого, только водитель за рулем. Сигарета все еще у меня во рту. А зажигалка в руке. Подношу к сигарете, чиркаю зажмурившись. Потом резко бью ее ладонью в подбородок, перехватываю ствол и несусь к обочине.

Канава – не широкая, перепрыгиваю легко. Еще одна канава – чуть-чуть не достаю до края, нога по щиколотку тонет в вонючей жиже. Это у меня уже будет третий пистолет... Беретта, как раз для коллекции не хватает.

– Стой, дурак! – несется со стороны дороги мужской голос.

Ага, обязательно. Только сунься следом! На опушке перелеска оборачиваюсь. У края дороги стоит силуэт, хорошо подсвеченный сзади. Очень похож на ростовую мишень.

Метров пятьдесят до него. Готов спорить, что попаду в голову с одной попытки. Возле первой мишени появляется вторая, поменьше и потоньше. Держится за подбородок, шатается.

– Слышишь меня?! – кричит она. – Без нас у тебя нет шансов! Они тебя достанут. Приходи завтра в четыре часа в чебуречную на Пушкинской.

– Если выживешь, – вставляет мужик.

– Главное, лицо прячь! – она наклоняется вперед, будто хочет разглядеть меня в темноте. – И не связывайся ни с кем! Это бессмысленно.

Мужик разворачивается и уходит. Она еще какое-то время стоит, вглядываясь в ночь, но, повинуясь резкому сигналу клаксона, бежит к машине. Микроавтобус объезжает «девятку» с мертвым дядей Вовой и, быстро набирая скорость, уезжает в сторону Москвы. Скатертью дорога.

Глава 4

Шарль де Голль оказался вовсе не французским президентом, а русским хакером, который по ночам ходил по улицам города, вскрывал специальной открывалкой черепа случайным прохожим и закладывал внутрь севшие пальчиковые батарейки, от чего люди начинали передвигаться на руках, мычать марсельезу и набрасываться на всех, у кого в голове батарейки не имелось...

Были там еще какие-то подробности, но, проснувшись, я, к счастью, быстро позабыл этот удивительный сон, отчего-то вымотавший меня как пятикилометровая пробежка.

Я лежал на диване. Очень узком и неудобном: продавленные пружины немилосердно кололи спину. На стене над диваном имелся ковер советского производства: красно-коричневый, с неподражаемо-бессмысленным геометрическим рисунком. Дальше шел беленый потолок, усыпанный паутиной трещин, в центре на длинной металлической трубке висела шестирожковая люстра: пыльные оранжевые плафоны несимметрично растопыривались во все стороны. Очень хотелось пить.

Пахло, точнее, воняло, смесью запахов, характерных для жилища запойного алкоголика, отягощенного компанией друзей: кислое табачное амбре, оттеняемое струей сивушного перегара с добавлением целой палитры пищевых арома-

тов, объединенных ноткой прогорклого растительного масла.

Я сел. Многострадальный диван даже не скрипнул, ибо был давно мертв: красная в пятнах плесени обивка зияла проплешинами, сквозь которые проступала серая рогожа.

Комната, метра четыре на четыре, обшарпанный трехстворчатый шкаф с зеркалом, этажерка с хламом, под стать шкафу – массивная и облезлая, стена увешана книжными полками, напротив – занавешенное плотными шторами окно, посередине комнаты стол, уставленный грязной посудой в несколько слоев, стулья с лоснящимися от грязи сиденьями. В углу, на пачках газет, покрытых еще одним ковром, валялся кто-то неопрятный и скомканный, в пиджаке и потрепанных серых джинсах – виден был только его затылок с длинными седыми волосами, в глубине которых блестела блямба нейрофона. Из распахнутой двери в коридор доносился гул негромких мужских голосов.

Напился, и вся история с флешкой просто приснилась – облегченно подсказала фантазия. Хрен там! – разбил иллюзию разум. Я посмотрел на часы: 20.11.

Берцы стояли возле дивана, я быстро зашнуровал их, осторожно поднялся и, подойдя к окну, отодвинул штору. Стекло виднелся забитый ящиками и коробками балкон. На подоконнике стояла пластиковая бутылка с зеленоватой водой. Первый этаж. Вид загораживали разросшиеся кусты

сирени, но сквозь заросли проглядывал типовой московский дворик, зажатый между типовыми панельными домами. Через балкон в квартиру, видимо, частенько залазили — я отметил, что сбоку, у стены, поручень ограждения вытерт до белого железа, а кусты в этом месте имели много обломанных веток.

— В жопу! — долетел с кухни категоричный бас. — В жопу и еще раз в жопу!

По голосу я узнал Врача. Точнее, по гнусавым интонациям, которые всегда сопутствуют травме носа. А врезал я ему хорошо, еще дня три будет ходить с красной грушей вместо шнобеля. Потому что не надо на честных людей с битой бросаться.

— Врач, дело верное, я отвечаю! — обиженно выкрикнул Мини.

Мини досталось всего пару ударов по ушам, но ему хватило, чтобы проникнуться ко мне уважением и полным доверием. Вот что тумачи животворящие делают. Впрочем, и мне досталось... Я потрогал большую шишку за ухом и поморщился, когда потревоженная гематома отозвалась резкой болью. Хорошая реакция у Мини, нечего сказать. И все же, если бы не они...

Но лучше по порядку.

Ночь, Очаково, застывшая поперек дороги «девятка» с трупом водителя в салоне. И я невдалеке с пистолетом в руке. Между прочим, с тем самым, из которого завалили бед-

ного дядю Вову. Подходящая мизансцена для короткометражного фильма «Бестолковый убийца в кустах». У девушки определенно талант: всего два раза встречались, и оба раза она умудрилась подставить меня по-полной. Молодец.

Поколебавшись, выкинул трофейную берету в канаву и быстро рванул напрямик через перелесок. Нельзя сказать, что я хорошо ориентировался в этих местах, но примерно представлял, что где-то здесь, совсем недалеко, должна быть железнодорожная станция Сколково. Она прямо возле МКАДа. А до МКАДа мы не доехали совсем чуть-чуть.

Роща – старые кряжистые тополя – больше походила на парк деревья росли нечасто и отсветы ночной Москвы, проникая под кроны, делали видимость сносной. Вот только землю под ногами будто бы вспахали: вывороченный дерн, какие-то глубокие борозды, ямы, кочки и буераки – без берцев вывих был бы обеспечен. Пару раз на пути попались неглубокие, наполненные тухлой вонючей жижей канавы... Но все эти мелкие неудобства отошли на второй план, когда за спиной послышался рокот вертолетных винтов.

Я резко обернулся. Да, машина кружила в районе дороги. И несмотря на мои героические усилия по борьбе с пересеченной местностью, отошел я от места преступления ну никак не больше, чем на километр.

Каковы шансы меня нагнать? Следопыты с собаками у них там вряд ли найдутся. Значит, по следу идти некому. Тем более, что пусть вначале обнаружат его, след. Мало ли куда

я свалил? Может, уехал на том микроавтобусе...

Стоп! Кто-то из проезжающих мимо увидел труп в машине, позвонил в полицию. Вот они и прилетели. С чего я вообще решил, что это по мою душу?

Путь преградило упавшее дерево, в темноте похожее на обглоданный рыбий скелет. Сунувшись напролом, чуть было не лишился глаза и пошел в обход.

Вертолет за спиной затих, видимо, приземлился. Почему я решил, что это за мной? Да из-за слов моей красавицы. Не то, чтобы я ей поверил... Но те, кто напал на квартиру, те явно хотели убить. А эта имела отличную возможность пристрелить, но не воспользовалась ею. Зато дядю Вову замочила, что вкупе с фразой о камерах слежения укладывает все ее действия в логическую схему.

Работая в службе безопасности Компании, я кое-что знал о, скажем так, незапротоколированных возможностях гаджетов. Вряд ли, конечно, нейрофоны транслируют в сеть картинку, которую видит пользователь. Но чисто теоретически такое возможно. А это значит, что они установили мое положение через нейрофон дяди Вовы.

Только для начала нужно определить, кто это «они»? Неужели правда Компания? Допустим. Пойдут ли они на устранение сотрудника, укравшего секретную информацию? Пойдут. Прапор лично предупреждал, что с предателями церемониться не будет. А Прапор шутить не умеет.

Путь пошел под уклон. Меж деревьев стали попадаться

заросли орешника, идти становилось все труднее. Освещенность заметно упала, приходилось держать перед собой руки. Но все равно мелкие ветки хлестали по лицу, на голову и за шиворот сыпались листья и древесная труха.

Хорошо, но откуда они узнали? Хотя... Флешку в комп вставлял? Вставлял! Смотрел, что там? Смотрел! Учитывая все наши строгости, можно предположить, что личные компьютеры сотрудников находятся под контролем службы безопасности? Можно. И не только можно, но и нужно! Только предполагать это следовало бы до того, как втыкать в ноут ворованную флешку...

Лес закончился внезапно, без всякого перехода. Раз – и перед носом из темноты возник высокий кирпичный забор. Метра три, не ниже. Кладка свежая, аккуратная. Загородная резиденция какого-нибудь буржуя. Поискал камеры, не нашел. Лучше, наверное, идти влево, в сторону МКАД. Неплохо было бы передохнуть, посидеть да покурить, но сигареты снова оставил врагам.

Куда вообще идти? Нет, сейчас-то понятно куда. А потом? Ну доеду я на электричке до Киевского вокзала, дальше что? Если правда, что мне свою рожу светить ни перед кем нельзя, значит даже номер в гостинице не снимешь, чтобы отдышаться. И что делать?

Есть одно соображение – геймеры! Нейрофоны неплохо моделируют виртуальную реальность: молодежь уже давно бегают по Москве, играет кто в квесты, кто в нгутеры. Днем

им запрещают, чтобы народ не пугали. А начиная с одиннадцати вечера... Я посмотрел на часы: половина первого. Самое оно. Встречу какого-нибудь бэтмена, дам по куполу и шлем отберу. Одежда у меня подходящая, армейского фасона. Даже пистолет можно выдать за игрушку... Хотя нет, им, вроде, запретили бегать с муляжами, похожими на боевое оружие.

Кирпичная стена резко завернула на самом склоне оврага, довольно-таки глубокого. На дне в темноте угадывался извилистый ручей. На противоположном крутом берегу хаотично кучковались разномастные деревянные домики. Разбитая дорога, слабо подсвеченная несколькими фонарями, огибала деревеньку по краю и уходила примерно в нужном направлении – туда, где, по моим прикидкам, должна быть станция. Значит сейчас снова вдоль стены до более-менее удобного спуска, потом через овраг на дорогу – и до станции.

Кирпичи посверкивали каплями росы, чахлый месяц висел над самой головой, в деревушке на той стороне лениво переплывались собаки, а заросли репейника по склону оврага были наполнены оглушительным стрекотом цикад – и если бы не зарево Москвы на полнеба, можно было бы решить, что находишься где-то в глубокой провинции. Ну и еще, конечно, мешал этот забор, выполненный по лучшим рублевским канонам. Кто это за ним живет? Поди, не дешевая земля-то тут, в двух шагах от Кутузовского проспекта.

Впереди обозначился край кирпичной стены, за углом

угадывалось освещенное пространство. Вполне вероятно, что главный вход с автостоянкой и постом охраны. Вот туда точно не надо. Я замедлил шаг, раздумывая, как бы полочнее решить эту проблему, когда заметил на склоне блестящую полосу металлической трубы – поручень спускающейся в овраг лестницы.

Быстро добрался до угла, осторожно выглянул – да, так и есть: широкая заасфальтированная площадка перед массивными коваными воротами. Сбоку от ворот стояла серая «десятка» с характерной синей полосой на борту. Полиция. В темноте салона вспыхнула оранжевая искра сигареты, и я резко отпрянул в тень.

За мной? Или просто подрабатывают у местного князька? Второй вариант более вероятен, потому что на засаду это не очень похоже. Но в любом случае тот, кто ночью шляется вдоль забора, – их клиент.

Радовало одно: вдалеке я успел заметить вереницу движущихся прямоугольных огней – поезд. Значит, не ошибся, вышел в нужном направлении. И, судя по всему, та деревенская дорога действительно ведет к станции.

Хватаясь за траву, я осторожно спустился на пару метров вниз по склону, прополз к лестнице, поднырнул под поручень – влажное от росы железо мимолетно обожгло ладонь холодом – и рванул вниз, стараясь не стучать каблуками по хлипким деревянным ступенькам.

В овраге скопился холод. Над зарослями камыша плыл еле

заметный флер тумана. Из низины звезды выглядели намного ярче, и месяц налился силой, обзавелся золотистым оттенком. В пропитанном сыростью воздухе бродили запахи костра и жареного мяса. Вдруг вспомнилось, что сегодня суббота, подходящий день для шашлыков на природе. Тоже мог бы сидеть сейчас в баре, присматривать себе кого-нибудь посимпатичнее... Но нет, как же без приключений на задницу!

Через ручей был перекинут слегка выгнутый мостик. Вся конструкция заметно покачивалась в такт шагам. Я перебрался на другой берег, взбежал по ступенькам наверх и, сопровождаемый вялым лаем собак, двинулся по дороге.

Деревенские фонари не столько разгоняли тьму, сколько просто обозначали свое существование. Разбитый, местами выщербленный до гравийной подложки асфальт плавно уходил вверх. Слева за кривыми штакетинами заборов просматривались очертания крыш, иногда в глубине зарослей виднелись светящиеся окна. Пахло сиренью, кусты с взлохмаченными ершиками соцветий подступали к самым обочинам.

Резко свернув направо, дорога вывела сквозь гущу растительности на шоссе. На противоположной стороне за пустой площадкой автостоянки светилась яркими огнями платформа железнодорожной станции.

Ходят ли еще электрички? Время – час ночи. Метро в это время уже закрывается. Я не ездил на электричках с детства, а в Москве этим видом транспорта не пользовался, вроде бы, вообще ни разу. Ладно, попробуем...

К станции не пошел – по периметру автостоянки стояли камеры наблюдения. Лучше не рисковать. Разумнее взять левее и подобраться к платформе по путям. Вот как раз и тропинка имеется.

В три прыжка перебежав дорогу, я двинулся по замеченной тропинке, протоптанной в густой высокой траве. Как там в песне: «На дальней станции сойду...» Трава была не по пояс, а почти в человеческий рост. Осока, не осока – хрен ее поймешь, я не ботаник. Но растительность оказалась кстати: станция Сколково купалась в свете прожекторов, и вокруг было светло как днем.

Тропинка закончилась у металлического забора, в котором чья-то заботливая рука выломала два прута, чтобы не мешали проходу. Дальше начиналась железная дорога: невысокая гравийная насыпь с ровными полосами путей. В блеске рельс было что-то от остро наточенных лезвий.

Платформа оказалась совсем рядом, метрах в двадцати. Напоминала она авианосец – ровная поверхность, исчерченная желтыми линиями, надстройка кассы, лопухи козырьков от дождя...

Поразмыслив, я решил остаться здесь. Будет электричка – всегда успею добежать. Не будет – нечего светиться на открытом месте. Уселся на перекладине забора, машинально полез за сигаретами и наткнулся на пустой карман. Сразу же накатила тоска: куда бежать, что делать? Друзей в Москве нет, кроме Липатова. Но позвонить нельзя, сим-карту навер-

няка отслеживают. А надо бы с ним как-то связаться. Хотя выясню, что на работе творится. Не хотелось бы верить, что наши на меня охотятся, но уж больно масштабная травля...

А курить тянуло, прям хоть прыгай на платформу и ройся в урнах. Или можно на ту сторону перебраться, туда, где на площади виднеются какие-то постройки. Наверняка палатка продуктовая имеется или магазин круглосуточный. Правда, она говорила, что если меня кто увидит, то эта информация автоматически в сеть уйдет. Но что-то уж больно фантастически звучит...

Тихий треск над головой прервал невеселые мысли. Я вздрогнул, но тут же определил природу звука: трескали нитки контактного провода, ударяясь друг об друга. Очевидно, на подходе поезд.

Точно, со стороны области уже несея нарастающий стук колес, а вскоре из-за изгиба путей вынырнул яркий свет головного прожектора. Я нырнул за забор, в траву.

Состав подкатил с грохотом и скрипом: в проплывающих окнах я увидел пустые ряды сиденьев – электричка. Засветили тормоза, с колес полетели искры.

Дождавшись, когда мимо меня проедет уже еле плетущийся последний вагон, я бросился следом. Бежать по шпалам оказалось не так уж и легко: ноги проваливались в промежутки, камни подворачивались под подошвой, несколько раз я чуть было не упал. Но вот он – последний вагон. Ногу на замок сцепки, рукой уже нащупываю какую-то дугу, сбо-

ку как раз приварена металлическая ступенька, дальше еще проще... мельком оценив внутренности задней кабины с рядами каких-то кнопок и манометров, я запрыгнул на платформу, пулей влетел в тамбур и со всего размаху впечатался в какого-то мужика.

– Осторожно, двери закрываются, – с нудной вежливостью сообщил голос. – Следующая станция Очаково.

Половинки дверей, злобно прошипев, сомкнулись.

– Ты как, дружище? – спросил я сочувственно.

– Живой.

Мужика отбросило чуть ли не к противоположной стене, он чудом устоял на ногах. Удар был ощутимым, я сам чуть не задохнулся.

– Извини.

– Да ладно...

Я огляделся. В тамбуре света не было. Темнота насквозь пропиталась запахом мочи. За стеклянными дверями виднелся пустой вагон.

Попутчик мой, судя по голосу и объемной дуге наушников на голове, был совсем молодой парень. Спортивный костюм, крепкое телосложение, хорошо, что не из обидчивых, а то пришлось бы потрудиться.

– На последнюю электричку спешил, – дополнительно пояснил я.

– Понимаю, – кивнул он. – Бывает. А я как раз покурить...

– Во! Угости сигаретой. Хочешь, даже куплю!

– Да ладно, ты чего, – он даже растерялся от моего напора.

– Ни сигарет, ни палатки по дороге... – продолжил оправдываться я, уже выцарапывая из плотно набитой пачки вожденную сигарету.

За мутным, в потеках грязи стеклом плыли фонари проходящего почти впритык к путям шоссе. Дальше темнели в ночи массивные контуры построек ТЭЦ. Подъезжаем к Очаково – мимоходом отметил я и наклонился к огоньку предложенной зажигалки.

Прикурить не получилось – попутчик, будто играя, увел зажигалку в сторону. Я машинально потянулся за ней, но тут же спохватился и, разогнувшись, вопросительно уставился на парня: мы ж не в детском саду, чтоб так шутить.

А он и не шутил. Подняв зажигалку над головой, он застыл в этой позе. При свете пламени я смог его разглядеть. Совсем еще молодой, с этой модной громоздкой конструкцией наушников на полголовы. Короткая стрижка, спортивный костюм, одно ухо явно было сломано. Странное лицо, какое-то замершее, пустое, будто у манекена, причем белая дуга наушников своим пластмассовым блеском только усиливала этот эффект. И совершенно пустые глаза, черные от расширенных до предела зрачков. Наркоман, что ли?

– Петр Фролов, – произнес парень равнодушным голосом, – что вы намерены делать дальше?

Это получилось жутковато: парень открывает рот, издает звуки, но при этом говорит не он. Если бы меня попросили

объяснить, что я имею в виду, я б, наверное, не смог. Однако возникла твердая уверенность, что мой попутчик внезапно превратился хрен знает во что.

– Станция Очаково, – произносит размеренный голос с потолка.

Вот оно самое: передатчик, ретранслятор, радиоприемник. Говорящая голова, механически воспроизводящая звуки под чужую диктовку... Короче, словами это не объяснить, это надо видеть: стоит живой человек, но живого в нем ничего не осталось, и если бы я не разговаривал с ним минуту назад, мог бы принять его за манекена.

Электричка дергается, лязгают сцепки, вагон останавливается. Двери за спиной с шипением расходятся. Пожалуй, лучше будет... Я быстро оглядываюсь: пустынный перрон, слабо освещенный фонарями.

– Как вы оцениваете свои шансы? – снова равнодушно интересуется кто-то через парня.

– В смысле? – переспрашиваю я, отступая на шаг к выходу.

– В смысле, убежать от нас, – поясняет собеседник. – Вы осознаете, что это нереально?

– Ну пока вроде неплохо получалось, – я делаю еще один шаг.

Двери внезапно захлопываются, и поезд рвет с места так резко, что мы оба летим к стене. Зажигалка тухнет, в тамбуре снова становится темно. Я быстро вскакиваю и на автопи-

лоте луплю с ноги по поднимающемуся телу, попутчик отлетает к противоположной двери. Звякает стекло, мелькает белая скоба наушников, через разбитое окно внутрь врывается ветер, наполненный грохотом колес.

– Дослушайте! – выкрикивает собеседник.

– Ну?

Я навожу пистолет на поднявшегося парня. Судя по всему, его это нисколько не задевает: он делает шаг вперед и останавливается, только когда я предостерегающе выставлю ладонь. А ветер хлещет по лицу крезотной вонью, заставляя жмуриться.

– Вы правда надеетесь скрыться? – перекрикивая шум, спрашивает манекен.

И даже несмотря на крик, голос его лишен эмоций.

– А что мне помешает?

– Все!

Только сейчас я замечаю, что неприкуренная сигарета до сих пор торчит у меня в углу рта. Курить хочется просто неудержимо. Пролетающие за спиной фонари бросают в тамбур короткие полоски света, выхватывая из темноты бездушное тело с расширенными глазами и чужим сознанием.

– Если вы добровольно вернете нам флеш-карту с украденной информацией, – вещает оно, – и пойдете на сотрудничество с дознавателем, мы гарантируем...

Когда дверь в вагон отбрасывает в сторону и в тамбур вваливается мент, я реагирую машинально: укладываю его на

пол двумя выстрелами в голову. Из вагона прилетает ответка, в металлическом щите стены появляется поблескивающая свежим металлом воронка.

– Мы просим вас хорошенько подумать! – комментирует происходящее попутчик.

– Дурак ты, что ли?!

Со злости я всаживаю в голову хитрого манекена целых три пули. И снова вагон откликается почти не слышными за грохотом колес выстрелами. Так, что делать? Стекла наружных дверей забраны толстыми металлическими прутьями. Створки не отжать – там давление несколько атмосфер. Что в вагоне? Тамбурная дверь мотается из стороны в сторону, закрыться ей мешает тело мента, лежащее на пороге. Где второй? Спрятался за сиденьями. У меня преимущество: он на свету, я в темноте. Хрен он меня достанет. Хотя, скорее всего, ему и не нужно меня доставать – просто продержат в тамбуре до остановки. Ну и куда бежать? Если только в кабину машиниста...

Заглянул в вагон, заметил голову за спинкой. Выстрелил. Дверное стекло осыпалось вниз звонким дождем, осколки весело заскакали по полу. Голова исчезла. Быстро проверил ручку кабины. Заперто. Отскочил в сторону. Вовремя – металл у плеча прозвенел два раза. А, вот оно! На поясе у мента, пристегнутая карабином, болтается связка ключей. Все правильно, они же через вагоны идут, а на всех дверях один и тот же замок. Под прикрытием створки дотянулся до связки,

отстегнул. Нужный ключ – трубочка с трехгранником. Шаг к двери, выстрел: пуля вырывает клочок поролона из спинки сиденья. Левая рука нащупывает замок. Вот только высунься! Так, вставил. Направо-налево? Налево. Голова чуть вынырнула – снова выстрел: лежать, я сказал! Дверь открылась, я выстелил еще один раз и заскочил в кабину.

Здесь было темно и тихо. Запер замок с внутренней стороны. К боковой двери. Нашел замочную скважину. К стучу колес добавился надсадный скрежет – электричка стала притормаживать. Быстрее! Вот, попал! Распахнул дверь, высунул голову, снова окунувшись в ураганный грохот. Ветер ударил по лицу, вырвал сигарету изо рта. Блин, надо было прикурить! Я увидел весь поезд, плавным изгибом растянувшийся по насыпи. А впереди уже совсем недалеко надвигались огни станции. Пора, однако!

Пару секунд на подготовку – и прыжок. Почти удачно, только больно приложился коленом о выступающее крепление рельса. Электричка прогремела дальше, а я, прихрамывая, перебежал пути, поднялся на невысокий холмик и оказался на задворках спального микрорайона.

Так, вон как раз тропинка. Быстро проскочил открытое пространство, юркнул под прикрытие кленовой аллеи. Поплутал немного и вырулил к дороге, опоясывающей комплекс многоэтажек.

Я вышел на асфальт и замер в нерешительности. Во дворы, наверное, нельзя – там камеры. Эти сволочи примерно

знают, где я выпрыгнул. Эти сволочи! Неужели правда? Парень в тамбуре, который назвал меня по имени и говорил не своим голосом, бешеные менты... Значит, права моя красавица? А если права, тогда и они правы: убежать от них нереально. Но как же все-таки хочется курить!

Из-за угла ближайшего дома внезапно вышел человек. Я быстро отскочил назад и прижался к дереву. За первым показался второй. Пара направлялась в мою сторону. Один маленький и тощий, другой большой и толстый. Двигались, тихо о чем-то переговариваясь. Чиркнула зажигалка, осветив на миг лицо большого – и на уровне его лица заплесала оранжевая точка.

– Мужики! – окликнул я их издалека, чтобы не испугать. – Угостите сигаретой!

– А ты кто такой есть? – спросил рокочущий бас, принадлежащий, видимо, толстому.

– Я человек. Как и ты, надеюсь.

– Все мы люди, – согласился бас.

Они подошли ближе, я тоже сделал пару шагов навстречу. У большого человека оказались лысая голова и аккуратная бородка клинышком, а маленький был одет в армейский камуфляж – совсем еще пацан.

– Держи, – толстяк протянул мне пачку.

И в этот момент тощий, которого я на секунду упустил из виду, саданул мне по голове чем-то тяжелым. Хорошо, что, в последний миг уловив движение, я успел уклониться, и удар

пришелся вскользь.

– Давай, Врач! – взвизгнул пацан.

– Ага! – откликнулся тот, доставая откуда-то палку, в очертаниях которой я признал бейсбольную биту.

Да что ж за ночь-то сегодня! Откуда вы все на мою больную голову? Паренек метнулся ко мне, прилаживаясь нанести еще один удар, а здоровяк проворно прыгнул в сторону, отсекая путь к отступлению. Ну вот это хрен вы угадали, ребята! Я отбил руку мелкого, хорошенько въехал ему в солнечное сплетение, добавил ладонями по ушам и как раз успел поднырнуть под молодецкий замах толстяка...

Глава 5

Кухня была очень маленькая и какая-то гротескно-советская: белая мебель из ДСП: стол, тумба под облезлой чугунной раковиной, настенные ящики с покосившимися дверцами, высокий узкий шкаф в углу; старинная плита с похожим на амбразуру дота лючком духовки; молочно-белый стеклянный шар лампы, свисающий с потолка на толстом проводе. Стены густо, с потеками, выкрашены бледно-синей краской, такой же расцветки кафель покрывал часть стены над плитой и мойкой, на некоторых плитках имелись переводные картинки с персонажами из наших мультфильмов. Несвежие занавесочки в голубой цветочек висели на леске, натянутой на гвоздики, вбитые прямо в оконные рамы.

Они сидели за столом – Врач и Мини – два моих ночных знакомых. Врач – немолодой мужик огромных размеров, в растянутой тельняшке, лысый, с ленинской бородкой на круглом, постоянно нахмуренном лице – сильно смахивал на актера Моргунова из старых советских комедий. Перед Врачом стояла большая тарелка вареной картошки, и он ее деловито поглощал, используя вместо вилки длинную финку с наборной плексигласовой рукояткой. Оружие тонуло в огромном кулаке Врача, а картошка исчезала из тарелки со сказочной быстротой, по-моему, он ее даже жевать не успевал: от усердия на лысой голове среди поросли пробиваю-

щихся волос поблескивали крупные капли пота.

Заметив меня в дверях, Врач радостно оскалился, продемонстрировав ряд идеально ровных белых зубов, и помахал финкой.

– Рад приветствовать, коллега! – пробасил он.

Опухоль у него на носу почти спала, наверное, применил какие-то свои медицинские хитрости. Но ссадина на переносице осталась. И гнусавые нотки в голосе напоминали о вчерашнем происшествии.

Мини, сидевший спиной к двери, обернулся и тоже обрадовался мне как родному. У него, в отличие от Врача, с зубами были проблемы – отсутствовали два или даже три резца сверху. Но улыбка от этого приобретала какую-то открытость и пацанский задор. Впрочем, он и был пацан, насколько я помню из вчерашней пьяной беседы, ему недавно стукнуло девятнадцать.

– Доброе утро, – Мини выставил растопыренную пятерню.

Странная пара. Вначале я предположил, что они родственники, но нет, сказали, что Мини раньше был пациентом Врача. Тогда я заподозрил, что они гомосексуалисты. Обиделись. Бить поостереглись, потому что уже имели неудачный опыт. Но пить вместе отказались – пока не принес официальные извинения. Да, странная пара. Наверное, правду говорят: противоположности притягиваются. Тот – большой и толстый, этот – маленький и шуплый, мне едва по плечо.

Даже одеты они сейчас были контрастно: Врач в полинявшей тельняшке и белых спортивных штанах, Мини в черной водолазке и черных джинсах... Нет, не гомосексуалисты – гомосексуалисты водку под картошку с луком жрать не будут, для них это слишком неэстетично...

– Присаживайся, поправь голову, – предложил Врач.

Он один занимал половину кухни: сидел у окна, спина упиралась в батарею, пузо наезжало на стол, одна нога не влезала под стол, и Врач выставил ее сбоку, коленка как раз доставала до плиты. Не вставая, он протянул руку, открыл шкаф на дальней стене и достал еще одну рюмку. Я уселся на свободный табурет.

Помимо вышеупомянутой картошки и блюда с резаными луковицами на столе имелись две вскрытые банки килек в томате, шматок сала на разделочной доске и трехлитровая банка с яблочным компотом. Нет, точно не гомосексуалисты – те так не умеют.

Выпили, закусили, запили компотом, к слову, очень вкусным. Заливая сушняк, я выдул полную кружку, Мини тут же наполнил ее из банки, и я снова осушил залпом. Вот теперь хорошо, теперь можно и закурить.

– Как спалось? – поинтересовался Врач, подхватывая финкой кусок сала.

– А кто меня на диван отволок? – поинтересовался я светским тоном, выпуская к потолку струю дыма.

– Ты сам дошел, – напомнил Мини.

Молодец я! Гвозди бы делать из этих людей. Помню как дрались, как мирились, как пошли обмыть перемирие к Врачу домой, долгое и обстоятельное застолье – все это сохранилось в памяти, хотя чем ближе к концу, тем более смазано. А вот как спать ложился – не помню. И ведь ботинки снял! Само по себе неудивительно: спать обутом – гробить ноги. Но в таком состоянии...

– А вы где спали?

– В соседней комнате, – ответил Врач.

– Нет там соседней комнаты, – я нахмурил лоб, вспоминая интерьер.

– Есть там соседняя комната, – ответил Мини, снова разливая по рюмкам.

– Да нету! – я даже расстроился.

– Не переживай, – успокоил Врач. – Шкаф с зеркалом видел? Ну вот. Вход через него.

– А зачем такие сложности?

– От ментов.

– И чего, срабатывает?

– Не поверишь – ни разу не нашли! – гордо заявил Мини.

– Тупые потому что...

– Ну ты-то тоже не догадался, верно? – подмигнул Врач.

Дело было в том, что Врач и Мини почти каждую ночь выходили на охоту: нападали на геймеров, тех, кто при помощи гаджета играет на улицах Москвы в виртуальные игры. Вырубали, отбирали деньги и ценные вещи. Но на термин

«грабители» Врач с Мини обиделись почти так же серьезно, как на «гомосексуалистов». Они были идейными борцами с «пациентами», то есть с пользователями нейрофонов. Причем именно наличие гаджета у жертвы позволяло им вести свой промысел практически безнаказанно. Если грамотно ударить по нейрофону, как пояснил Врач, тот вырубается на некоторое время, вызывая у «пациента» амнезию: из памяти напрочь стирается от нескольких часов до нескольких дней. Вчера во время застолья Врач (он оказался действительно врачом, нейрохирургом по специальности) долго и нудно рассказывал мне о вживлении гаджета в мозг пациента – настолько долго и нудно, что я в конце концов попросил его заткнуться, потому что мой личный мозг и без всякого нейрофона начал закипать. Однако же из его монолога я вынес два момента: а) нейрофон, вживленный в организм, постепенно берет под контроль и даже частично замещает ключевые структуры центральной нервной системы; б) именно из-за такого глубокого проникновения в мозг снять нейрофон невозможно, чтобы там ни говорила реклама.

– Чего лоб хмуришь? – Врач слегка хлопнул меня по плечу.

Это «слегка» отдалось во всем теле и чуть не сбросило с табуретки. Ему б потренироваться, и боец мог получиться просто неубиваемый.

– Вот, думаю, с чего это вы со мной такие откровенные? – я в упор уставился на Врача.

– Ты свой, – заявил он, на секунду убрав хитрый прищур. – С тобой можно.

– Так сразу?

– Сразу, – кивнул он. – Первый человек без нейрофона, что я встречаю за полгода. Понял?

– Поэтому-то я тебя и не смог вырубить, – встрял Мини. – Если б знал, что у тебя гаджет над ухом не висит, бил бы по-другому. Врач, скажи!

– Точно, – подтвердил Врач.

– Так зачем тогда меня вообще бить? – спросил я.

Они переглянулись и дружно заржали. И я к ним присоединился, от всей души. Действительно, чего бы не посмеяться: проснулся с похмелья в вонючей хазе, пью водку с двумя гоп-стопщиками, накануне всю ночь бегал от убийц, попутно завалив несколько человек, теперь хрен знает куда податься, потому что стоит показаться на людной улице, тут же вычислят... Смешно же, верно?

– Ладно... Делать-то что? – спросил я, успокоившись.

А откровенны они со мной не потому, что вдруг поверили. Пришлось вчера рассказать частично мои ночные приключения. Причину, конечно, не сообщил. Сказал, что напал какой-то сумасшедший в тамбуре, в процессе драки случайно завалил мента, пришлось бежать. Так или иначе, в новостях это будет, они и без меня сопоставят. Тем более, если фото мое выставят. Хотя могут и не светить фотографию: в розыск подавать не нужно, кому надо и так вычислят, а ес-

ли брать во внимание разговоры того парня, со мной вроде бы пытаются договориться. Не знаю...

– Не знаю, – эхом моих мыслей откликнулся Мини.

– Поживи пока у нас, – помолчав, предложил Врач. – Пока все успокоится. Что-нибудь придумаем. Тебе нельзя рожу проходим светить, потому что вмиг опознают.

– Ты откуда знаешь? – вскинулся я.

– Я тебе вчера целую лекцию про нейрофон прочитал, ты чем слушал? Я знаю возможности этих машинок, я сам с ними работал, еще до того момента, как первые экземпляры в открытой продаже появились. Меня из-за этого чуть не посадили.

– Ты ж говорил, что тебя выгнали за то, что ты с Мини гаджет снял, – напомнил я.

– Это повод, – отмахнулся Врач. – Так сказать, последняя капля.

– Врач реально разобрался в этом говнофоне, он, знаешь, как...

– Не будем о грустном, – прервал словоизлияния напарника Врач. – Не забывай о деле, наливай.

Мини быстро разлил остатки водки. Врач ловко, с профессиональной четкостью орудуя своей финкой, нарезал сало, выдавил на край тарелки кетчуп и подхватил рюмку.

– За свободу! – провозгласил он торжественно.

Выпили не чокаясь. Мини подтолкнул мне по столу открытую банку килек. Пожрать надо – на старые «дрожжи»

меня уже слегка повело. Голова должна быть свежей, потому что сейчас предстояло решить, что делать дальше. Можно, конечно, у ребят остаться...

– Слушайте, а что за тело там лежит? – спохватился я.

– Где?

– В комнате.

– Это Медбрат, – сказал Врач.

Я немного подождал, но Врач, судя по всему, считал, что ответил исчерпывающе.

– Что за медбрат?

– Хороший человек, – ответил Мини. – Он раньше с Врачом работал. Был его ассистентом. А потом забухал. Из идейных соображений. Это его квартира.

– У него нейрофон, – сообщил я.

– Дохлый тот нейрофон, – махнул Врач ладонью размером с кастрюлю.

– Ага! – хихикнул Мини. – Не выдержала буржуйская техника русской водки. Прикинь, Медбрат бухал, бухал... а потом гаджет ка-а-ак заискрит! Паленым запахло, Медбрат со стула на бок брык! Мы перепугались, давай его реанимировать... Врач его чуть не раздавил.

– Идиот! – незлобно рявкнул Врач. – Это был непрямой массаж сердца!

– Ага, точно, у Медбрата потом месяц ребра болели. Ну, в общем, тут он глаза открывает да как давай что-то бормотать на разных языках. Еле его отпоили... Ну а теперь нейрофон

у него вроде как не работает, но он все его программы видит.

– Как это?

– Ну как, помнишь, в фильме «Матрица»? Все такое зеленое и из цифр? Вот что-то типа того. Он объяснить не может, но как бы...

– Короче, – оборвал напарника Врач. – Знаешь, что такое исходный код?

– Нет, – пожал я плечами.

– Ну это... – Врач замялся, подбирая слова. – Любая программа – это набор текста, символов. Компьютер считывает его, превращает в программу, в то, с чем работает пользователь. А у нашего коллеги вместо виртуального интерфейса, что видят носители гаджетов, циферки перед глазами бегут...

– Он с этого еще больше запил, – сочувственно сообщил Мини. – Не могу, говорит, лицезреть эту ахинею... Так что ты его нейрофона не бойся. Он не работает. По этому поводу даже менты приходили: говорят, поступил сигнал, что Медбрат кони двинул.

– Когда нейрофон отключается, система интерпретирует это как смерть пациента, – пояснил Врач.

– Мало ли с чего он выключиться может! – возразил я.

– Верно. Однако каждый такой случай обязаны проверить. В основном, конечно, ложная тревога. Но нам на опыты несколько раз привозили жмуриков, которых по выключенному гаджету вычислили.

– До чего дошел прогресс! – покачал я головой.

– До невиданных чудес! – подхватил Врач, доставая из-под стола еще одну бутылку водки.

– Так, стойте! – я выставил руку, как на знаменитом плакате. – Мне вначале нужно определиться, что делать.

– Ночь на дворе, – напомнил Врач.

– Завтра все решишь, – добавил Мини.

Начало десятого. За окном уже сумерки. Да... А, собственно говоря, что поменялось бы, будь сейчас полдень? И тут наконец оформилась мысль, которая крутилась в голове со вчерашней ночи. Нужно связаться с Липатовым. Выведать, как там и что. На крайняк – через него провести переговоры о сдаче. Им же нужна флешка. И, судя по всему, очень сильно нужна. Идею насчет того, чтобы продать информацию конкурентам, вряд ли теперь стоит рассматривать всерьез. Если такой шухер поднялся, то стопудово все каналы связи с американцами и прочими китайцами под контролем, тем более, что я даже и не представляю, как и с кем там контактировать.

Машинально подхватив протянутую рюмку, я выпил, закусил салом и закурил. Собутыльники о чем-то говорили, но я пропускал все мимо ушей, размышлял. Липатов – это реальная поддержка. Сколько мы с ним дерьма вместе съели. Он не сдаст. И как раз для таких конспиративных случаев есть у нас канал связи, остался со времен, когда мы на Донбассе воевали. Вот только как мне в сеть выйти, чтобы не

засветиться?

– Мужики, а у вас среди награбленного рабочего смартфона случайно нет?

Доктор осекся на полуслове и уставился на меня недоуменно. Мини повторил его взгляд, но потом не выдержал, захихикал.

– Какой смартфон, человек, опомнись! – попросил Врач.

– Когда ты их последний раз видел? – добавил Мини.

Я молча достал из кармана штанов свой телефон, pokrutyл в руке, чтобы они смогли его подробно рассмотреть, и убрал обратно.

– Мы про пациентов говорим, – сказал Врач. – Откуда и у кого сейчас могут быть смартфоны?

– А так-то, конечно, и у нас тоже есть, – Мини показал мне свой телефон, раритетную нокию.

– Да, проблема... – вздохнул я.

– Нет никаких проблем, – ответил Врач. – Тебе же, наверное, в интернет выйти?

– Ну да.

– Мини, принеси планшет.

– Вычислят! – крикнул я вслед метнувшемуся в комнату пацану.

– Не вычислят, – ответил Врач.

– Мы в сеть через Медбратов нейрофон выходим, – пояснил вернувшийся с компом Мини. – А он в сети не определяется. Мы специально проверяли: пару раз местный супер-

маркет минировали – и ни хрена. Так что не бойсь!

Он снова разлил по стаканам, мы чокнулись, выпили. Я закурил еще одну и, немного подумав, включил планшет. Ну что ж, рискнем...

Глава 6

Одинокий человеческий силуэт посреди ночного поля: замер, раскинув руки и подняв лицо вверх, туда, где на полнеба раскинулся призрачный шар Сатурна, опоясанный кольцами. «Нейрофон – это все!» – заявлял слоган. Залитый солнцем билборд нависал прямо над выходом из метро. Красивая картинка, но отчего-то тревожная...

Рядом, задрав головы, остановились двое парней в таких же шлемах, как у меня. Я знал, что для пользователей гаджетов все рекламные изображения анимированы. Что уж там они увидели, не знаю, но, судя по всему, что-то интересное, если так надолго залипли.

Я тоже постоял, вроде как наслаждаясь ЗИ-графикой, но при этом осторожно оглядел окрестности. Нормально. Во всяком случае, на первый взгляд. Идеально подстриженная лужайка взбегаёт вверх, туда, где на солнце блестят искореженными гранями небоскребы «Москва-Сити»; у шлагбаума автостоянки скучает охранник в черной форме; по тротуару вдоль парапета набережной идут трое туристов, постоянно щелкают фотоаппаратами в сторону высоток; машин практически нет – начало двенадцатого, все уже на работе.

Пацаны досмотрели виртуальный ролик и пошли дальше. Я тоже двинулся в сторону реки. Солнечный день обещал быть очень жарким – только минуту на улице, а шлем уже

напекло, как в бане. Что будет к обеду? На ощупь порылся в кнопках панели над правым ухом, включил вентиляцию, вроде стало лучше, хотя тихий гул несколько раздражал. Случайно врубил режим выделения целей: на визоре шлема вокруг фигур туристов появились красные квадратные скобки. Отключил. Потом подумал немного и снова включил. Пусть будет.

Быстрым шагом пересек проезжую часть, оглянулся и снова увяз взглядом в красочном билборде. Что же такого тревожного в этой картинке? Похоже, что дело в неестественном сочетании предметов: обычный ночной пейзаж: высокая трава, силуэт дерева... и огромный, яркий Сатурн, касающийся кольцом горизонта. Да, представляешь себя на месте того человека, вышедшего в поле полюбоваться звездным небом, и как-то не по себе становится...

Мост, перекинутый через Москва-реку, своей формой напоминал скоростной поезд, замерший в движении. Помнится, было там, как раз с этого бока, хорошее кафе с постоянно длящейся акцией: «Купи две кружки пива, получи третью в подарок». Но это когда деньги были.

А если не было, то мы шли вот сюда: рядом с опорой моста имелся спуск на пристань, тут «парковались» разношерстные представители речного флота. Я перегнулся через парапет. Прямо подо мной была пришвартована обшарпанная баржа, а рядом с ней притулился белоснежный катер, и сразу было видно, что катер этот очень и очень дорогой. Как же ты

заплыл-то сюда? Заблудился?

В остальном тут ничего не изменилось с тех пор, как мы с Лехой работали в охране офиса Компании, что на 14-м этаже башни «Империя». Та же усыпанная масляными кляксами брусчатка пристани, те же длинные нити водорослей, вытянутые по течению, и все так же качается на волнах мусор, собранный вокруг ивовых зарослей на краю причала. И прыгают по чешуйкам волн солнечные зайчики... Затхловатый запах речной воды, просочившись под шлем, привычно ударил в нос.

В углу визора тревожно вспыхнули красные скобки, и я заметил человека, поднявшегося со ступенек, ведущих к самой воде. Липатов! Был он в балахоне с надетым на голову капюшоном, но я узнал фигуру.

Леха увидел меня, замер, вглядываясь. Я хотел махнуть рукой, но оборвал движение, потому что разглядел за ним сидящего на ступеньке человека. Женщина, длинные светлые волосы... Липатовская жена? Точно она, Катька, – как раз обернулась. На хрена, а? Зачем ее-то притащил!

Что теперь делать? Я в шлеме, они не видят лица... Взять и уйти, а потом написать Липатову, подробно объяснить, почему он идиот? У Катьки нейрофон, она, сама того не желая, выдаст меня. Но во второй раз с Липатовым может и не получиться... Вот же придурок ты, Леха!

Поднял руку, обозначая себя, и стал спускаться на пристань. Под ногами хрустел мусор: ступеньки традиционно

были усыпаны окурками и мятыми банками из-под пива. Солнце скрылось за краем набережной, тень обдала холодом, по вспотевшей спине пробежал озноб.

Несмотря на всю тревожность обстановки на билборде, хотел бы я быть сейчас на месте того парня с картинки. Потому что художник умудрился создать какую-то... сказочную что ли атмосферу. Видишь пейзаж и понимаешь, что там, на этом ночном поле, пахнет свежей травой и теплый ветер дует в лицо, а висящий над горизонтом Сатурн позволяет ощутить себя наедине со Вселенной...

Уж, во всяком случае, там лучше, чем здесь: загаженная пристань, вонь солярки, ржавый помятый бок баржи... Непонятный катер своей ослепительной белизной усугублял ситуацию: на контрасте с ним все вокруг казалось еще противнее.

Липатов неспешно двигался мне навстречу. Я спустился с лестницы, и как раз в этот момент из недр катера на палубу поднялся еще один знакомый персонаж: засаленная футболка, мятая бейсболка, клочная борода – Михась! Визор тут же отреагировал – обвел его красным прямоугольником.

– Здорово, механик! – крикнул я радостно.

Сколько лет мы не виделись? Ну, наверное, как раз с момента, когда нас с Липатовым в Компанию позвали. Жив, значит. Я выключил режим целеуказания – в случае Михася это просто неприлично!

– А ты кто такой будешь? – Михась свесился с борта ка-

тера, возвышающегося над пристанью метра на два.

Из-под бейсболки во все стороны торчали рыжие космы немытых волос, на курносом носу жирный мазок масла, широкое красное от ежедневных возлияний лицо – старый добрый Михась!

Я поднял забрало, он пару секунд вглядывался в глубины шлема, а потом резво перемахнул за борт.

– Петруха!

И вот мы уже обнимаемся, нещадно колотя друг друга ладонями по спине. Хороший человек Михась, искренний. За это и ценят. Ну, разумеется, и за то, что механик первоклассный, несмотря на застарелый алкоголизм.

– Ты как тут? – Михась рывком отстранился.

– Да вот, с Лехой договорились, – я кивнул в сторону оставившегося невдалеке Липатова.

– Видел, – кивнул Михась и, наклонившись, понизил голос: – Неладные какие-то у него, я так понял. Я к нему дружить, а он говорит: погоди, Михась, не до тебя...

– Вот это он правильно отметил, – признал я, вздохнув. – Ладно, сейчас порешаем, а там, если получится, подойду, пообщаемся.

– Помочь чем? – спросил Михась, покосившись на Липатова.

– Да чем тут поможешь, – я вяло отмахнулся.

– Давай, подходи, – Михась хлопнул меня по плечу. – Я с этим корытом закончил почти.

Он избежал по мостику на борт. Хороший человек Михась. И пить с ним одно удовольствие. Липатов с нами особо не зависал, потому что уже женился, а я, бывало, после смены тут у него и ночевать оставался...

Леха все еще стоял на полдороге. А жена его так и сидела на ступеньке, разглядывая реку: из-за поворота, со стороны Киевского вокзала, как раз показался прогулочный корабль.

– На хрена ты ее притащил? – тихо проговорил я, подходя.

Вблизи стало видно, что лицо у Липатова очень несвежее: помятое, небритое, припухшие глаза с красными прожилками, на лбу, выпирающем из-под капюшона, блестит пот. Знакомые симптомы. Пил вчера?

– Для конспирации, – так же тихо ответил Липатов.

На меня пахнуло сивушным перегаром. Точно, пил.

Я взглянул из-за его плеча на Катерину: все еще рассматривает приближающийся кораблик. В принципе, здравая идея: выйти из дома с женой, если следят, меньше поводов заподозрить. Хотя...

– У нее гаджет, она не должна меня видеть, понимаешь?

Липатов воровато оглянулся на жену, пожевал губами, достал сигареты, предложил мне. Закурили.

– Что ты ей сказал? – спросил я.

– Ну, типа, надо с товарищем одним встретиться.

– Она не знает, что со мной?

– Нет.

Слишком долгой была пауза перед его ответом. Или мне

просто показалось?

Теплоход приближался. «Москва-154» было выведено на борту. Верхняя палуба заполнена народом, видно, что все внимание пассажиров приковано к высоткам делового центра. Корабль напористо резал воду, две буровато-зеленые струи расходились перед носом. Сзади тянулся клочковатый пенистый след.

– Ладно, чего там у тебя? – спросил Липатов.

– Про шухер в Компании знаешь?

– Знаю, что тебя ищут... Слушай, может сядем? – Липатов снова обернулся к жене.

Раньше это было наше любимое место. После смены приходили сюда пить пиво. Три ступеньки, нижняя почти на уровне воды, когда поднимался ветер, ее захлестывали волны... Хорошее место.

– Нельзя, чтобы она меня видела! – повторил я.

– Почему? – Липатов вопросительно нахмурил лоб.

– Блин, да говорю же тебе, нейрофон на ней. Увидит меня – сразу сигнал пойдет на сервак.

– Разве так возможно?

– Я тебе бы много чего рассказал, что возможно, да времени нет. Сучья техника эти твои гаджеты! В общем, слушай. Когда взлом был, помнишь? Я в лаборатории бабу одну поймал. Ну и отпустил...

– Ты идиот?

– Идиот, – согласился я. – Но дело не в этом. Дело в дру-

гом. Я у неё флешку отобрал, на которую она с компьютера данные скачала. Теперь из-за этой флешки меня грохнут хотя бы.

– А как они узнали, что флешка у тебя?

– Не знаю... Я ее дома на ноуте просмотрел. Похоже, у них доступ к нашим машинам есть.

– Точно идиот! – с непонятной ненавистью процедил Липатов. – Вот на хрена ты полез, куда тебя не просят? Мозгов нету? Теперь и мне за тебя...

Теплоход прошел под мостом. Он был настолько близко, что я без труда мог разглядеть лица туристов. Никто не смотрел на нас, но на всякий случай я опустил забрало шлема. На уши снова стал давить гул вентиляторов. Нашупал кнопку, отключил.

– Ладно, – Леха тяжело вздохнул. – Пошли, сядем, посидим. Я там пиво купил... Вчера набухался. Голова болит. Чего тут на солнцепеке стоять?

– Я уже два раза сказал тебе!

Странный он какой-то сегодня, дерганый весь. Может быть, действительно похмелье. А может быть, и нервничает. Что, в общем-то, вполне понятно: узнают, что встречался со мной, по голове не погладят. Но вот откуда злость такая в глазах?

– Что вам про меня объявили? – спросил я.

– Ничего. Мне только Прапор звонил, спрашивал, как с тобой связаться можно: типа выяснить, что на службу не вы-

ходишь... Делать ты что собираешься?

Теплоход миновал пристань и начал разворачиваться. Почему-то все прогулочные корабли дальше не идут. Может быть, выше по течению река не судоходна. Хотя Михасю это никогда не мешало... Я снова внимательно посмотрел на Липатова. Нет, дело не в похмелье. Слишком рожа угрюмая.

– Мне нужна твоя помощь. Я хочу вернуть им флешку. За деньги.

– Ты, Петруха, явно не в себе, – посочувствовал Липатов. – Тебе бы беспокоиться, чтобы не замочили.

– А я и беспокоюсь.

– Раньше надо было беспокоиться! – выкрикнул Леха.

Катерина обернулась на крик мужа. В нормальной жизни мы с ней дружили... ну не то чтобы дружили, она всегда считала, что я плохо влияю на Леху, прежде всего, в плане выпивки. Но если отбросить этот момент, мы были в прекрасных отношениях. И она знала, что очень мне нравится – женщины это понимают каким-то своим чувством. Красивая жена у Липатова, вот только зря он ее сегодня сюда притащил...

– Не ори! – одернул я его.

– Извини, – Леха вытер ладонью пот. – Просто нервы. Что ты хочешь от меня?

– Переговори с кем-нибудь из Компании... Да хоть с Прапором. Мне нужен контакт для переговоров.

– Какой контакт тебе, придурку! – снова сорвался на крик

Леха, но тут же сам себя одернул, продолжил вполголоса: – Ты не понимаешь, что они тебя так и так замочат? В любом случае. Ты сейчас живой, потому что у тебя флешка. Ее нужно вернуть. Узнать, где ты ее заныкал. Как только она будет у них – все, кранты.

– Ну а что ты предлагаешь? – я несколько опешил от его напора.

Теплоход снова прошел под мостом. Я только сейчас заметил, что на кормовой палубе у него стоит дымящийся мангал и мужик в белом переднике поворачивает шампуры с шашлыком. Показалось даже, что до нас долетел запах жареного мяса. Поднятая теплоходом волна с шипением ударила под пристань.

– Ничего я не предлагаю! – Липатов дернул меня к себе, поднял стекло шлема, уставился в глаза. – Ни хрена мне тебе предложить, понимаешь? Ты не только сам подставился, ты и меня за собой потащил. Хотя раз в своей жизни подумал бы мозгами!

– Отвали!

Я оттолкнул друга, вытер с лица брызги слюны... Блин, и без того тошно, еще этот тут истерику устраивает! Достал сигарету, закурил. Липатов последовал моему примеру. Помолчали, глядя в разные стороны... Солнце пекло все сильнее, я чувствовал, как по затылку под волосами пробирается капля пота.

– Флешка где? – буркнул Липатов.

– У хороших людей, – соврал я. – Если что со мной случится, они ее отправят конкурентам. Сейчас с того берега как раз один из наших наблюдает.

– Наших! – издевательски протянул Леха. – Откуда у тебя «наши»?

– Обзавелся.

– Так чего бы тебе сразу к американцам не пойти? Хрен ли ты меня мурыжишь?

– Устрой мне контакт с кем-нибудь из Компании, я с ним обсужу условия возвращения флешки. Мне не нравится играть в шпионов. Я хочу спокойной жизни.

– Вот и я ее хочу, – покивал Липатов. – Очень хочу. А не выйдет... На-ка вот!

Он достал из кармана гранату РГД и быстро потянул мне. Я машинально схватил, спрятал в карман, воровато оглядевшись.

– Кольцо вынь, зажми в кулаке, засунь руку за пазуху! – скороговоркой проговорил Липатов.

Я понял, что он имеет в виду. Снова, как в тени на лестнице, по потной спине прокатился холодок. Но руки действовали самостоятельно: разогнул шплинт, выдернул кольцо и просунул кулак с гранатой между пуговицами куртки.

– Вот так! – удовлетворенно протянул Липатов. – Про «наших» на том берегу придумал, да? Неважно! Они рисковать не будут.

Он откинул окурок и тут же достал новую сигарету. Я

увидел, как его жена поднимается и идет к нам. Высокая, стройная, сейчас все достоинства фигуры подчеркивали узкие джинсы и обтягивающая майка. Волосы свободно спадали на плечи, огромные очки закрывали верхнюю половину лица. На нижней половине алели ярко накрашенные губы. Красивая женщина, стильная. Всегда было интересно, что она нашла в Липатове...

Леха проследил за моим взглядом, обернулся. Катерина подошла, покачивая бедрами, очки поймали солнце, на миг вспыхнули нестерпимым светом и тут же потухли.

– Алексей Липатов, вы нарушили договор, – бесцветным голосом произнесла она.

Сердце ударилось о ребра и заколотилось с утроенной силой. Знакомые интонации, точнее их отсутствие. Нейрофона за прической не видно, но сомневаться не приходится.

– Что ж ты, зараза? – мой вопрос прозвучал так же равнодушно.

– А что делать? – Липатов посмотрел на меня с похмельной усталостью. – Была жена-красавица, а стало ЭТО. И говорит мне человеческим голосом: либо ты нам помогаешь, либо хрен тебе, а не спокойная жизнь. А если что, на твоих глазах твоя жена себе глотку перережет. Покажи! – обратился он телу жены.

Она достала откуда-то из-за спины выкидной ножик: тонкое аккуратное лезвие выскочило с тихим щелчком. Покрутила нож у меня перед глазами и снова убрала за спину.

— Ну вот, — Липатов комично развел руками. — Ты, это... ты иди, пиво принеси, нам поговорить надо.

Она послушно развернулась и пошла обратно. Над нашими головами к самому парапету набережной подрулил черный микроавтобус, из него вылезли двое парней в комбезах военного покроя и встали у перил, ненавязчиво наставив на нас стволы пистолетов. Липатов бросил на них равнодушный взгляд. Паника в моем мозгу добралась до какого-то предела — и вдруг будто бы вырубился предохранитель: снова вокруг было теплое весеннее утро и бегали солнечные блики по воде, плескалась волна о берег и громыхал чем-то тяжелым Михась в недрах роскошного катера... Только ладонь с зажатой в ней гранатой будто судорогой свело. Я сдернул уже ненужный шлем и бросил в воду. Вспотевшая голова окунулась в прохладу легкого ветерка. Булькнув, черный шар пошел ко дну. Зря выкинул, если уйду отсюда, пригодился бы. Но вначале нужно уйти...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.